

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Научная статья

УДК 340.13

СООТНОШЕНИЕ КОДЕКСА И ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

**Ся Ивэй, Ph.D., Юго-западный университет финансов и экономики, Чэнду,
Сычуань, Китай, xuiwei_cd79@yandex.ru**

Аннотация

Кодекс и федеральный закон – понятия во многом совпадающие, но не в полной степени тождественные. Эта особенность анализируется в настоящей статье. Раскрывается содержание термина «закон» и его основные признаки как нормативного правового акта, а именно общеобязательность, верховенство, особая процедура принятия и пр. Затрагивается аспект иерархии источников законодательства на основе Конституции РФ и отмечается формальное отсутствие кодекса в числе видов нормативных правовых актов, перечисленных в ней. Особенности кодекса, как феномена теории государства и права рассматриваются на примере Уголовного, Уголовно-процессуального и Трудового кодексов РФ, с опорой на конкретные нормы, определяющие статус кодексов. Делается вывод о приоритетности кодекса постольку, поскольку это является результатом волеизъявления законодателя-автора кодекса. Случаи, когда приоритет признается за иным федеральным законом, обосновываются его специальным характером, что поддерживается и Конституционным Судом РФ, позиция которого тоже анализируется в статье. Несмотря на все отличия кодекса и федерального закона как правовых категорий, конечный вывод сводится к тому, что и один, и другой виды источников законодательства являются федеральными законами, что означает их юридическую равнозначность, особенность же кодекса определяется не его приоритетом, а его формой и

волеизъявлением законодателя, который в одних случаях придает приоритет кодексу, а в других – иному федеральному закону.

Ключевые слова: иерархия законодательных актов, кодекс, кодифицированный источник законодательства, нормативный правовой акт, федеральный закон, юридическая сила

Статья поступила в редакцию 25.06.2025, одобрена после рецензирования 14.08.2025, принята к публикации 06.11.2025.

Original article

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CODE AND THE FEDERAL LAW: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

**Yiwei Xia, Ph.D., Southwestern University of Finance and Economics, Chengdu,
Sichuan, China**

Abstract

The Code and the federal law are largely identical concepts, but not completely identical. This feature is analyzed in this article. The content of the term "law" and its main features as a normative legal act are revealed, namely, general obligation, supremacy, a special procedure for adoption, etc. The aspect of the hierarchy of sources of legislation based on the Constitution of the Russian Federation is touched upon and the formal absence of the code among the types of normative legal acts listed in it is noted. The specifics of the code, as a phenomenon of the theory of state and law, are considered on the example of the Criminal, Criminal Procedure and Labor Codes of the Russian Federation, based on specific norms defining the status of the codes. The conclusion is made about the priority of the code insofar as it is the result of the expression of the will of the legislator-the author of the code. Cases where priority is recognized by another federal law are justified by its special nature, which is supported by the Constitutional Court of the Russian Federation, whose position is also analyzed

in the article. Despite all the differences between the code and the federal law as legal categories, the final conclusion boils down to the fact that both types of sources of legislation are federal laws, which means their legal equivalence, while the peculiarity of the code is determined not by its priority, but by its form and expression of the will of the legislator, who in some cases gives priority to the code. and in others – a different federal law.

Keywords: hierarchy of legislative acts, code, codified source of legislation, regulatory legal act, federal law, legal force

Введение

Иерархия нормативных правовых актов (далее – НПА) может быть рассмотрена как на основе научно-теоретических источников, формирующих доктрину, так и на основе конкретных НПА, прежде всего, Конституции РФ [1], имеющей высшую юридическую силу и закрепляющую соответствующую иерархию источников законодательства. В рамках этой иерархии в качестве отдельного вида источника права (источника законодательства) выделяется федеральный закон (ч. 2 ст. 4 Конституции РФ). Безусловно, это ключевой источник. И на него приходится подавляющее большинство законодательных актов федерального уровня.

В указанной иерархии федеральный закон уступает по юридической силе федеральному конституционному закону (ч. 3 ст. 76 Конституции РФ) и превосходит по юридической силе все прочие НПА, имеющие подзаконный характер, в том числе указы Президента (ч. 3 ст. 90 Конституции РФ).

В Конституции РФ среди источников законодательства не упоминаются кодексы, что закономерно, поскольку де-юре они имеют статус федеральных законов. Но вопрос о соотношении их с обычными федеральными законами, коих большинство, Конституция не регламентирует. Иные источники законодательства тоже однозначного ответа на вопрос об указанном соотношении не дают.

Основная часть

Если рассматривать термин «закон» именно в теоретическом аспекте, учитывая при этом нормы действующего российского законодательства, то его можно определить как НПА, имеющий верховенство среди прочих НПА (высшую юридическую силу), принимаемый в рамках особой процедуры и действующий в пределах всей территории государства, обеспечивающий правовое регулирование наиболее значимых аспектов жизни личности, общества, государства [6, с. 42].

В указанном определении с предложенном С.А. Воробьёвой, отражена не только формальная составляющая закона как источника права, но и ее авторские взгляды на сам феномен закона, которые представляют интерес для научного обсуждения в целях формирования более чёткого представления о законе.

Высшая юридическая сила закона является довольно условной характеристикой. С одной стороны, эта характеристика сомнению не подвергается, ведь именно закон составляет основу общественных отношений в государстве. И в этой связи совсем не случайно в юридическую терминологию уже давно были введены такие понятия, как «законность» и «верховенство закона». С этих позиций, безусловно, закон обладает высшей юридической силой, причём, если его рассматривать в общетеоретическом аспекте, то нет необходимости уточнять, о каком именно законе ведётся речь, особенно с учётом общеобязательности нормативных положений закона для каждого субъекта правоотношений.

Однако если учесть, например, нормы Конституции РФ, то становится очевидно, что не всякий закон обладает высшей юридической силой, а лишь сама Конституция. В то же время ч. 2 ст. 4 Конституции признает верховенство федеральных законов наряду с Конституцией, на территории всей страны.

Вопрос о регулировании наиболее важных отношений тоже спорен. Действительно, законы принимаются именно по тем вопросам, которые представляют наибольшую значимость. Однако это не означает, что все вопросы,

не урегулированные законом, но урегулированные на подзаконном уровне, являются менее значимыми.

Особый процедурный порядок тоже интересен с точки зрения признания в качестве отличия закона. Учитывая, что каждый закон принимается в рамках специальной процедуры и именно органами законодательной власти, не признать особый процедурный порядок важным качеством закона невозможно. Сказанное все же не означает, что другие нормативные правовые акты принимаются в рамках процедур, не имеющих особого характера. В конечном итоге и вопрос о том, что следует понимать под особым порядком, тоже не так однозначен. Особой можно считать процедуру, которая максимально усложнена и бюрократизирована; с другой стороны, особой можно считать и ту процедуру, которая максимально упрощена, с учётом специфики конкретной ситуации.

С.А. Воробьёва в числе качеств закона также отмечает приоритет прав человека [6, с. 42]. Данную особенность можно признать, но лишь если рассматривать закон именно в контексте законодательства конкретного государства и регулирования конкретной области правоотношений, с учётом качеств конкретного закона. В целом же говорить о том, что закон, как правовой феномен, сам по себе базируется на приоритете прав человека вряд ли возможно. Такая черта закона важна и де-юре, и де-факто; она желательна, более того, она обязательна. Но с точки зрения практики она не всегда воплощается. В конечном итоге и те НПА, которые соответствуют иным признакам закона, но не характеризуются признанием приоритета прав человека, являются законами. Поэтому закон как юридический акт и документ, нацеленный на регулирование общественных отношений, может и не учитывать приоритет прав человека.

Закон совершенно обоснованно выделяется в системе НПА именно на основе своего предмета правового регулирования, к который входят именно наиболее важные общественные отношения, о чем было сказано выше. Что же касается отношений, которые имеют меньшую значимость, то для их правовой регламентации, как правило, используются НПА подзаконного уровня [10, с. 13].

Менее значимые отношения нередко и вовсе остаются без должного правового регулирования, но сути закона этот аспект не меняет.

Понятие закона можно рассматривать и более абстрактно. Но в данном случае принципиально важна именно конкретизация, поэтому стоит подчеркнуть и наличие конкретного юридического статуса у закона, признаваемого именно государством в лице законодателя (статус федерального конституционного закона, статус федерального закона).

Смежной правовой категорией выступает кодекс. Его можно трактовать как НПА, характеризующийся систематизированностью и принимаемый органами законодательной власти в рамках их компетенции [9, с. 60].

Здесь основное внимание надлежит уделять именно вопросу систематизированности, что означает его нацеленность на более последовательную, более целостную, более детальную регламентацию отношений. Систематизированность, безусловно, в той или иной мере присуща любому НПА, как и кодифицированность, однако именно кодексу она характерна в большей мере.

Не приходится сомневаться в том, что именно кодифицированный законодательный акт в правовой системе государства занимает особую позицию, учитывая его характеристики в трех структурных плоскостях:

- иерархической;
- отраслевой;
- федеративной [9, с. 60].

Иерархическая характеристика кодифицированного акта означает, что он, как правило, имеет приоритет перед другими законодательными актами, регламентирующими аналогичные или смежные правоотношения.

Отраслевая специфика состоит в том, что, как правило, кодифицированный акт обеспечивает правовое регулирование не одного аспекта, а целого комплекса вопросов, объединённых именно в конкретную отрасль (подотрасль).

Федеративный аспект означает, что кодекс выступает ориентиром для всех субъектов федерации, если имеет место регулирование вопросов, находящихся в совместном ведении федерального центра и субъектов.

Обобщая изложенное, можно справедливо задаться вопросом о том, как именно надлежит решать вопрос о соотношении кодекса и закона, прежде всего федерального, с учётом положений Конституции и конкретных кодифицированных источников российского законодательства, в частности, Уголовного кодекса РФ [2] (далее – УК РФ), Уголовно-процессуального кодекса РФ [3] (далее – УПК РФ), Трудового кодекса РФ [4] (далее – ТК РФ).

В литературе на этот вопрос единого мнения не сложилось, учёными предлагаются разные взгляды. Первая группа авторов обосновывает взгляды, исходя из которых кодекс есть обычный федеральный закон, не имеющий какого-либо приоритета перед иными федеральными законами. Вторая группа авторов считает, что кодекс выступает источником, занимающим особое место в системе законодательства, находясь в промежуточной позиции между федеральным конституционным законом и федеральным законом. Третья группа авторов придерживается мнения о том, что кодекс имеет приоритет перед другими федеральными законами, при этом сам являясь федеральным законом; приоритет же определяется исходя из практики и самой позиции законодателя [9, с. 61].

Теперь обратимся к нормам Конституции РФ, дающим некоторое общее понимание соотношения кодекса и федерального закона (хотя о кодексах в ней не упоминается). Отмечаемое в ч. 2 ст. 4 Конституции её верховенство, наряду с федеральными законами, очевидно, стоит трактовать широко и комплексно. То есть Конституция, как и федеральные законы, в целом имеют верховенство, а не при их сравнении друг с другом. Думается, что и федеральные конституционные законы данной нормой тоже охватываются. В этом смысле федеральный закон и федеральный конституционный закон условно совпадают друг с другом: и один, и второй – де-юре имеют статус федеральных.

Вместе с тем, ч. 3 ст. 76 Конституции РФ закрепляет приоритет федеральных конституционных законов перед федеральными законами. Это означает, что в целом законы, принимаемые на федеральном уровне, которые в комплексе могут рассматриваться как единый феномен, при взаимодействии друг с другом находятся в определённой иерархии. В этой связи федеральные конституционные законы, согласно ч. 1 ст. 108 Конституции, обеспечивают регламентацию наиболее значимых аспектов общественной и государственной жизни, круг которых определяется именно в Конституции. Иные НПА, имеющие подзаконный характер, уступают в юридической силе и федеральным законам, и федеральным конституционным законам, исходя из ст. 90 Конституции.

Официальные взгляды на вопрос соотношения кодекса и федерального закона были уточнены Конституционным Судом РФ (далее – КС РФ) в Постановлении от 14.05.2015 № 9-П, где изложено «правило о том, что в случае коллизии между законами равной юридической силы приоритетными признаются последующий закон и закон, который специально предназначен для регламентации соответствующих правоотношений» [5]. То есть важно не столько наличие статуса кодекса, сколько предмет регулирования. И кодифицированные источники зачастую имеют приоритет именно ввиду наличия у них специального предназначения, а не в силу кодифицированности, как можно было бы полагать.

Тем не менее, в литературе кодексы принято рассматривать именно исходя из приоритета в силу самого фактора кодификации. Более того, зачастую, характеризуя особую роль кодексов, учитывают и объём представленного в них нормативного материала. Так, А.В. Кузьмин, рассматривая данную проблематику в контексте гражданского законодательства, кодекс характеризует именно как ядро системы НПА в контексте конкретной сферы регулирования, отмечая также его системообразующую роль [7, с. 115–116]. С такой оценкой сложно не согласиться.

Нельзя не заметить и такой особенности, как наличие многочисленных случаев дублирования норм кодексов в нормах федеральных законов и наоборот. В таком случае крайне сложно сказать о том, какой же именно источник имеет приоритет. Однако нет сомнений в том, что законы, содержащие специальные нормы, имеют приоритет, по крайней мере не в целом, а в части отдельных норм [7, с. 119].

Нельзя не признать, что многие кодифицированные источники российского законодательства имеют приоритет постольку, поскольку он закрепляется них сами, а позиция законодателя не может игнорироваться. Однако наличие приоритета у кодифицированного источника не означает вовсе, что в рамках правоприменительной практики или в рамках научного дискурса не может быть поставлен вопрос о коллизиях между кодексом и иным федеральным законом [8, с. 222].

Анализируя проблему соотношения кодекса с иными федеральными законами, Н.Н. Лукашева обращается к положениям ТК РФ, который принято признавать приоритетным источником законодательства, обеспечивающим регламентацию именно трудовых отношений, согласно ст. 5. Однако, этот приоритет в отдельных нормах ТК РФ отрицается, например, в случаях катастроф, согласно ст. 252. Также и в отношениях с участием государственных служащих ТК РФ ограничен: согласно ст. 11, в таких случаях надлежит учитывать первоочередном порядке законодательство о соответствующей службе и статусе служащих. С учётом таких особенностей Н.Н. Лукашева приходит к выводу, что в конечном счёте приоритет имеет именно федеральный закон, а не ТК РФ [8, с. 226–227]. Это в полной мере соответствует позиции КС РФ, отдающего приоритет источнику законодательства, содержащему специальные нормы.

Совершенно иной подход усматривается в рамках регулирования уголовной ответственности. УК РФ в ст. 1 провозглашает именно его де-юре единственным источником уголовного законодательства. Соответственно, иные

кодексы и прочие иные федеральные законы в регулировании вопросов уголовной ответственности каких-либо приоритетов не имеют. Но учитывая, что во многих случаях и правоприменитель обращается к иным федеральным законам, наличие в них норм, значимых для решения вопроса об уголовной ответственности, не должно ставиться под сомнение. Это тот случай, когда кодекс имеет однозначный приоритет перед иными федеральными законами именно в силу прямого указания в нём, и речь идёт не только о приоритете, но и о полном отрицании роли иных федеральных законов, с чем, конечно же, согласиться невозможно.

Многие нормы УК РФ предусматривают ответственность за нарушение конкретного законодательства, представленного, соответственно, иными федеральными законами. Если же предположить, что федеральный закон, рассматриваемый как «иной», будет признан утратившим силу, то и отдельные нормы УК РФ утратят всякое юридическое значение.

Стоит сказать, что в рамках российской правовой системы не все кодексы имеют форму федеральных законов; существуют, в частности, различные этические кодексы, но они имеют статус подзаконных НПА, а потому вопрос о соотношении федеральных законов с ними в данной статье не ставится.

Заключение

В теории государства права и иных отраслях юридической науки представлены разные взгляды на соотношение кодекса и федерального закона. Но какими бы ни были взгляды, нельзя отрицать наличие у кодекса статуса федерального закона, который отчасти уравнивает его с иными федеральными законами в большинстве ситуаций. Но безусловный приоритет кодекса – явление исключительное, свойственное, пожалуй, только УК РФ.

Исходя из этого, кодекс надлежит рассматривать как источник законодательства, носящий особый характер не ввиду большей юридической силы, а ввиду наличия особой формы и содержания. Приоритетный статус кодекса обуславливается не столько самим фактом кодификации, сколько

конкретным волеизъявлением законодателя, который в одних случаях придает приоритет кодексу, а в других – иному федеральному закону.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (I ч.). Ст. 4921.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № I, (ч. I). Ст. 3.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2015 № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 11 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" в связи с запросом Президиума Верховного Суда Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Воробьева С.А. Качество закона и его роль в обеспечении прав человека (теоретико-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014. 225 с.
7. Кузьмин А.В. Нормативные правовые акты как источники договорного права: федеральный уровень // Журнал правовых и экономических исследований. 2022. № 4. С. 114–120.
8. Лукашева Н.Н. Кодифицированные законодательные акты в системе федеральных законов Российской Федерации // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского Юридические науки. 2017. Т. 3 (69). № 3. С. 218–228.

9. Матюнин М.Ф. Акты кодификации законодательства в системе законодательных актов // Научный Татарстан. 2009. № 3. С. 59–63.
10. Тихомиров Ю.А., Бошно С.В. Теория закона: общие закономерности и новые подходы // Право и современные государства. 2018. № 1. С. 9–17.
11. Щелконогова Е.В. Система источников уголовного права // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2. С. 170–174.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993; s izmeneniyami, odobrenny`mi v ходе obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.
2. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 31.07.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1996. № 25. St. 2954.
3. Ugolovno-processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 31.07.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2001. № 52 (I ch.). St. 4921.
4. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 № 197-FZ (red. ot 31.07.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2002. № I, (ch. I). St. 3.
5. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 14.05.2015 № 9-P «Po delu o proverke konstitucionnosti punkta 5 stat`i 11 Zakona Rossijskoj Federacii O statuse sudej v Rossijskoj Federacii v svyazi s zaprosom Prezidiuma Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul`tantPlyus».
6. Vorob`eva S.A. Kachestvo zakona i ego rol` v obespechenii prav cheloveka (teoretiko-pravovoj aspekt): dis. ... kand. jurid. nauk. Omsk, 2014. 225 s.
7. Kuz`min A.V. Normativny`e pravovy`e akty` kak istochniki dogovornogo prava: federal`ny`j uroven` // Zhurnal pravovy`x i e`konomicheskix issledovanij. 2022. № 4. S. 114–120.
8. Lukasheva N.N. Kodificirovanny`e zakonodatel`ny`e akty` v sisteme federal`ny`x zakonov Rossijskoj Federacii // Ucheny`e zapiski KFU im. V.I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki. 2017. T. 3 (69). № 3. S. 218–228.

9. Matyunin M.F. Akty` kodifikacii zakonodatel`stva v sisteme zakonodatel`ny`x aktov // Nauchny`j Tatarstan. 2009. № 3. S. 59–63.
10. Tixomirov Yu.A., Boshno S.V. Teoriya zakona: obshhie zakonomernosti i novy`e podxody` // Pravo i sovremenny`e gosudarstva. 2018. № 1. S. 9–17.
11. Shhelkonogova E.V. Sistema istochnikov ugolovnogo prava // Vestnik Ural`skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 2. S. 170–174.